

**ПРОБЛЕМА «РОССИЯ – ЗАПАД»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ДО И ПОСЛЕ 1812 г.)**

Моцелков Евгений Николаевич, доктор политических наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: enm@inbox.ru

**PROBLEM «RUSSIA – THE WEST» IN DOMESTIC PHILOSOPHICAL,
POLITICAL AND HISTORICAL THOUGHT
(TILL AND AFTER 1812)**

Moschelkov Evgeny N., D.Sc. (Political Science)

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: enm@inbox.ru

В отечественных литературных источниках почти всех веков российской истории можно найти множество различных суждений о российской земле и ее народе, о том, чем они отличаются от других, и прежде всего, западных стран и народов. Можно даже сказать, что сравнение себя с Западом, определение себя на фоне Запада является постоянной темой, вечным вопросом, над которым бьется русская мысль.

Конечно, в основе данной проблемы «Россия и Запад» было стремление познать, прежде всего, Россию, а не Запад, который в данном случае выполнял роль отражательного зеркала, некоего мерила прогресса. И тем самым искомую формулу можно свести к вопросу: «Что такое Россия (на фоне Запада)?».

Данная проблема была не в последнюю очередь обусловлена реальным влиянием западноевропейской экономики и культуры, которое испытывала Россия на всем протяжении своего исторического развития. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский считал, что такое влияние реально существует, но пагубным образом сказывается на развитии России. Так, например, серьезные негативные последствия для нравственных основ русского общества и государства, по мнению Ключевского, имело наиболее интенсивное проникновение на Русь западных ценностей и норм, которое произошло в XVII в. «До XVII в., – писал Ключевский, – русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря»¹.

Итак, для Ключевского влияние Запад является отрицательным фактором, во всяком случае, для нравственного развития российского общества.

Позже, в советской историографии появляется более нейтральная трактовка проблемы «Россия и Запад». Эта трактовка была связана с идеей «развилки», или «выбора пути» исторического развития России.

Один из известных историков того времени А. Зимин, например, находил такую «развилку» на российском историческом пути в XV в. Россия, по его мнению, имела тогда выбор между военно-элитарной и торгово-промышленной или раннебуржуазной моделями, перспективами развития. В силу ряда исторических причин и обстоятельств, страна, по мнению А. Зимина, пошла по первому пути².

Другой историк и философ Н. Эйдельман говорит уже о ряде таких исторических «развилки»: «Несколько раз, начиная с XVI в., – писал он, – в русской истории

¹ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13–14.

² См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991. С. 191–211.

возникали альтернативы «европейского» и «азиатского» пути. Иногда товарность и самоуправление брали верх, порою возникали сложные смешанные ситуации, но часто, увы, торжествовали барщина и деспотизм»¹.

Но почему в XV–XVII в. (если брать, констатации Ключевского, Зимина и Эйдельмана) выбирался тот или иной путь развития страны, почему доминирующее положение приобретала та или иная государственная стратегия? На этот вопрос мы не находим у историков XIX–XX вв. определенных и точных ответов. Всё определялось как бы стечением обстоятельств, комплексом объективных и субъективных факторов.

А ведь данная проблема «Россия – Запад» после XVII в. не только не уходит на задний план, а наоборот, становится одной из центральных в государственной политике и интеллектуальной жизни России. Наибольшее обострение данной проблемы происходит в начале XIX в., когда Россия впервые в своей истории оказывается в состоянии дипломатического, а потом и военного конфликта с Наполеоновской Францией, а фактически со всей Западной Европой, находящейся под французским диктатом². В этот период проблема «Россия – Запад» приобретает свои реальные геополитические измерения; разрешение этой проблемы становится как бы судьбоносным для дальнейшего развития страны.

Но 1812 г., может быть условно, но все же следует считать историческим водоразделом во взаимодействии России и Западной Европы. До этого было влияние Запада на Россию. Россия воспринимала, впитывала и, в лучшем случае, критически перерабатывала, адаптировала (причем, по Ключевскому, с огромными нравственными потерями) социально-экономические и культурные достижения Запада. После этого Россия, вышедшая победительницей в противоборстве с Западом, уже не могла не воспринимать себя, по меньшей мере, как нечто равнозначное Западу.

Эта историческая метаморфоза в полной мере отразилась в развернувшемся в 30–40-е гг. XIX в. знаменитом споре западников и славянофилов, который потом красной нитью проходит через всю интеллектуальную жизнь XIX в. и не прекращается по сути и по сей день.

Не случайно в раздвоении русской мысли и стратегии государственной политики на западничество и славянофильство скрыта одна из загадок нашего интеллектуального развития. Эта загадка заключалась в кардинальном несоответствии, противоречии между теоретической интерпретацией этой проблемы (западники – славянофилы) и векторами, программами реальной государственной политики.

Так, на теоретико-литературном уровне интерпретации проблемы «Россия и Запад» противопоставление позиций было во многом условным, так как в качестве общей, объединяющей идеи признавался постулат о самобытности России и уникальности ее исторической судьбы.

Возьмем для примера две фигуры, представляющие раннюю и зрелую стадии западничества, для которых, казалось бы, идея самобытности России была мало приемлемой, – В. Белинского и К. Кавелина. В трудах первого мыслителя мы можем найти множество суждений западнического характера. Здесь и призыв к русскому народу «приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода»³, и мнение о том, что «нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами»⁴, и т.д. Но одновременно с этим постоянно звучит и другая мысль, другой лейтмотив: «...настало для России время развиваться са-

¹ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 171.

² Конечно, столкновения России и Запада случались и раньше (Ливонская война Ивана Грозного, Северная война Петра I), но тогда Россия боролась за жизненно необходимый для ее дальнейшего развития выход к Балтийскому морю. В 1812 г. Россия же столкнулась с прямой агрессией со стороны Запада и вынуждена была отстаивать свои исконные территории.

³ Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 24.

⁴ Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 12.

мобытно, из самой себя...». Или: «...перенесенные на почву нашей жизни, эти (уже решенные в Европе. — *Авт.*) вопросы те же, да не те, и требуют другого решения»¹.

Выделенные мысли В. Белинского относятся к 30–40-м гг. XIX в. Позже другой западник К. Кавелин, высказывает аналогичные суждения, которые в современных условиях звучат не только злободневно, но и даже пророчески: «Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды – выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших противоречий и разладицы... Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может»².

Таким образом, философско-политический анализ искомой проблемы приводит в конечном итоге не к размежеванию, а к сближению различных концептуальных подходов, к симбиозу западничества и славянофильства.

Такое явление наблюдается на уровне теоретических споров. Но как только эти идеи начинают экстраполироваться на практическую политику, так позиции становятся все более противоположными и даже антагонистичными. На передний план выходит подход «или – или». Весь XIX в. консервативные реформации с прозападными ориентациями сменяются контрреформациями охранительно-славянофильского типа.

Постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историософского спора и трансформироваться в программу практических преобразований, и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти «золотую середину», модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в. А ответы на вопросы о причинах появления «развилки» на историческом пути России и, тем более, реальных формах и способах «выбора» этого пути так оставались открытыми и ждали еще своего адекватного и научного истолкования.

В последнее время рядом ученых как у нас в стране, так и за рубежом предпринимается попытка осмысления проблемы «Россия и Запад» не столько на основе исследования событийных пластов российской истории, сколько на основе выявления специфических механизмов и детерминаций отечественного исторического процесса в контексте мирового развития. Эти усилия связываются с более глубоким осмыслением (а может быть переосмыслением) **природы социального времени**, являющегося более фундаментальной реальностью мироздания, чем любые объективные условия и факторы исторического процесса на Земле.

Ведь действительно, проблема социального времени латентно содержится в самой формуле «Россия и Запад». Отставание одной страны от другой при примерно одинаковых «стартовых» условиях. Преодоление одной страной тех или иных социальных барьеров быстрее или медленнее других стран. Стремление пройти ускоренными темпами путь, который ранее уже прошли другие страны. Все эти фиксации исторических реальностей содержат в себе не только действие объективных географических, социально-экономических, социокультурных или каких-то других факторов, но и проявление феномена «разного социального времени» или разных типов времени, которые преобладают в жизни разных социальных систем.

Парадоксально, но факт: даже на уровне обыденной жизни человек, как правило, оперирует, хотя чаще всего и не отдавая себе в этом отчета, разными типами вре-

¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 652, 666.

² Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

мени, не только, например, линейным, но и циклическим временем, так как он живет не только в измерениях постоянно увеличивающейся временной протяженности (например, неуклонное увеличение количества лет жизни каждого человека), но и в постоянно повторяющихся временных циклах суток, времен года и т.д.¹ В научном же познании природы и общества неизменно доминирует линейная парадигма².

Эту парадоксальную ситуацию уже более 20 лет назад отразил нобелевский лауреат И. Пригожин в своем призыве: «Необходимо переоткрытие времени»³. И. Пригожин рассматривает данную проблему в контексте физических наук, хотя ясно, что он считает проблему времени камнем преткновения для всего научного, в том числе и гуманитарного, знания. Не случайно он в своей статье ссылается на французского историка Марка Блока, на его вывод о том, что история – это «наука, переживающая детство...», что «как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода»⁴. И. Пригожин показывает парадоксальность ситуации, сложившейся в современной науке: представление о времени всегда являлось фундаментальным принципом, базисом научного знания, но новейшие исследования в различных областях науки как раз показывают зыбкость и несовершенство нашего понимания времени. «Мы можем говорить о времени нашего рождения, о времени падения Трои, о времени исчезновения динозавров и даже о времени рождения Вселенной, – пишет И. Пригожин, – но вопрос «как или почему началось время» (а значит и вопрос: «что такое время» – Е.Н.) ускользает от физики, так же как он, без сомнения, ускользает от возможности нашего языка и нашего воображения»⁵.

Уже эти рассуждения И. Пригожина свидетельствуют о том, что «переоткрытие времени» – это задача более сложная, чем просто синтез линейности и цикличности. Так, например, французские историки школы «Анналов» считают время истории сложным феноменом, в котором перемешиваются различные гетерогенные потоки. М. Блок употребляет в этой связи понятие «плазма», Ф. Бродель – понятие «сегментность». Раскрывая его, Ф. Бродель представляет природу социального (или исторического) времени как сосуществование, переплетающееся, накладывающееся развитие различных сегментов времени, или *временных ритмов*⁶, в которых живут общественные системы. Понимание социального процесса как потока, имеющего не единые, а множественные временные характеристики и измерения, когда одно и то же пространство, различные его слои и части могут развиваться в разновременных режимах, неприемлемо для традиционных представлений о пространстве и времени, ибо ломает многие сложившиеся концептуальные конструкции и постулаты общественных наук⁷.

На самом деле в отказе от одномерных и линейных моделей социального времени нет ничего противоестественного. Так, если представить общество как совокупность жизней отдельных индивидов, то окажется, что на данном уровне социальной реальности всегда использовалась идея гетерогенности времени. Ни для кого не яв-

¹ Ученые-этнографы уже давно заметили, что у некоторых народов (например, индонезийцев) вообще отсутствуют представления о линейном времени (Вопросы философии. 1989. № 10. С. 42).

² Наверное, поэтому именно в России в конце XIX в. появляются фундаментальные концепции нелинейного, циклического объяснения российской и мировой истории (К. Леонтьев и Н. Данилевский).

³ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3. Концептуальные подходы к проблеме времени как сложного феномена социального бытия появляются в конце XIX – начале XX в. в работах Дюркгейма, Дильтея, Трельча, Зиммеля, Сорокина, Гуревича. В России над проблемами социального времени и социальной динамики работали в этот период П. Сорокин, В. Вернадский, Н. Бердяев, Н. Кондратьев.

⁴ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 12.

⁵ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 18.

⁶ Здесь понятие «ритм» употребляется в следующем значении – «чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью». В этом значении указанное понятие существенно совпадает по своему содержанию с такими понятиями, как «цикл» и «волна».

⁷ В последние 20 лет в отечественной научной литературе проблема нелинейного социального времени и нелинейной социальной динамики применительно к анализу исторического процесса России обсуждается довольно активно (Ахизер А.С., Лапкин В.В., Малинецкий Г.Г., Малолеткова П.С., Мельников Ю.Н., Пантин В.И., Пашинский В.М., Полетаева А.В., Розов Н.С., Савельева И.М., Севостьянов В.Н., Семененко И.С., Турчин П.В., Холодковский К.Г. и др.).

ляется секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т.д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время «бежит» по-разному, то это уже указывает не только на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Интерпретация проблемы «Россия – Запад» невозможно только в рамках и методологическими средствами «событийной» истории, поскольку Россия и Запад – это, по две разные исторические «материи», в которых в рамках очень длительного глобального тренда течет (во всяком случае, периодами) разное (локальное) историческое время и развитие которых детерминировано разными (или очень различными) матрицами. Может быть, именно такой подход позволит выработать адекватную интерпретацию старой проблемы «Россия – Запад», которая окажется полезной и эффективной для практической политики.

«ПАРАД РОКОВЫХ СОБЫТИЙ»: ВОЗМОЖНОСТИ МАСС-МЕДИА И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Расторгужев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: valeri2007@rambler.ru

«PARADE OF FATAL EVENTS»: POSSIBILITIES OF MASS MEDIA AND PROBLEMS OF POLITICAL PLANNING

Rastorguev Valery N., D.Sc. (Philosophy), Professor

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: valeri2007@rambler.ru

Роковые события. Роковые события, среди которых наиболее значимыми были великие природные и социальные потрясения, а чаще всего катастрофичные войны между народами, – традиционный предмет повышенного интереса со стороны историков, философов и политологов, что вполне объяснимо: это не просто события в череде других, а поворотные пункты истории. Они изменяют судьбы государств, цивилизационных миров и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений. Истории народов, написанные до роковых событий и после них, даже если они написаны не только чернилами, но и кровью, – разные истории. Иногда после «тектонических событийных сдвигов» кардинально изменяется временной горизонт и сама историческая перспектива, а, следовательно, и представление о масштабах явлений и событий. То, что казалось несущественным и почти незаметным на фоне грандиозных поражений или побед, выдвигается на первый план, а воистину великие свершения теряются, воспринимаются как «фоновые картинки» или даже позорные страницы национальной истории.

Такие «абберации исторического зрения» могут закрепляться в новых поколениях в течение сравнительно короткого времени. Причем временной горизонт подобной коррекции коллективного сознания (то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называют «длинной памятью» расы или цивилизации, социума или семьи) постоянно сокращается в «обществе тотального замещения». Именно так можно определить общество, в котором нормой становится постоянное замещение межличностных коммуникаций манипуляционными технологиями, которые, с одной стороны, опосредуются массмедиа, что облегчает процесс унификации постоянно обновляемого набора «потреби-